

Визуализация: метод конструирования символов

Сама по себе проблема противопоставления книги и ТВ при чуть более серьезном взгляде демонстрирует свою сомнительность. Истоки конкуренции уходят в первые опыты киноискусства, которое обратилось к визуализации литературного материала, затем ТВ приняло эстафету и стало переводить в картинку слово писателя. Поначалу экспансия кино и ТВ прощалась гуманитарной общественностью, но когда масштаб влияния на массы визуальными искусствами стал слишком велик, зазвучал громкий хор обвинений ТВ (отчасти и кинематографа) в покушении на сакральную чистоту молчаливого слова. Пылкие обвинения утопили в праведных эмоциях крупницы здравого смысла.

Питер Гринуэй обронил мысль, объясняющую сомнительность конкуренции разных видов искусств, на примере между кино и книгой. Режиссер утверждает, что кино возникло не в 1895 году с выходом первой картины братьев Люмьер: «Кино было изобретено в 1640-х годах, когда Рембрандт, Караваджо и прочие столпы эпохи барокко впервые начали употреблять в своих картинах искусственный свет, отраженный свет. Кино родилось из живописи, хотя мы постоянно пытаемся забыть об этом».

В качестве доказательства прозвучавшего положения режиссер приводит собственный проект «Оживление картин»: «Снимается оригинальный холст, одновременно огромным количеством самых современных камер. Потом возможно как-то менять фон – добавлять дождь, делать утро, день, чтобы эта вот собачка, например, которая там лежит, вдруг встала и побежала, чтобы кто-то вдруг ушел, кто-то остался».

Проект «Оживление картин» доказывает генетическую связь между кино и живописью. Конфликт книги и ТВ носит более философско-идеологический характер, нежели философско-эстетический: конкуренты оспаривают право тотально влиять на аудиторию.

Полемика между книгой и ТВ приносит словесности весьма эффектные дивиденды. Расколдование обаяния ТВ, дискредитация эфира не учитывает одного, очень важного обстоятельства: генетически книги и ТВ принадлежат разным сферам существования человека. Позволим не лишённую провокационности мысль: базовый источник книги – письменность, родитель ТВ и СМИ – фольклорные анекдотические жанры -- фаблю, шванки, новеллино, карнавал, скоморошья игрища, а потом уже газета. Поэтому любой из названных носителей информации может высказывать упрек в

адрес ТВ. В этом списке книга вовсе не должна быть названа. Она прописана в графе жертв телевидения.

А теперь следует сделать очень аккуратные выводы, чтобы избежать эмоционального пафоса и избежать категоричного резюме. Оговоримся, сама тема настолько болезненная, что не представляется возможным поставить однозначный диагноз и тем более сформулировать знаменатель, удовлетворительный в качестве намека на разъяснение проблемы.

Итак. Полемика книги и ТВ представляет дискуссию консервативного и либерального сознаний. Первое характеризуется склонностью сохранять сложившиеся представления о чем-либо, второе обращено к прогрессу и приветствует любые новации. Книга в этом смысле – идеальный объект для поклонения консерваторов. Книга демонстрирует стойкую убежденность автора в непогрешимости собственного мнения, пусть даже этот автор сомневается, кается, приглашает к дискуссии и т.д. – так или иначе книга, как законченный проект, отмечена категоричной однобокостью и радикальной предвзятостью восприятия мира. Книга предельно спекулятивна хотя бы по подаче материала. Как тут не процитировать А. А. Бармака в книге «Достоевский Today», размышляющего о специфике литературного отбора материала: «Если бы Раскольников был крив, кос, лохмат, горбат и косноязычен и, забыли добавить, прыщав по всему лицу?

Но обладал вопреки всем этим оригинальным приметам еще и прекрасной человеколюбивой душой, как, например, Квазимодо, и душа эта прямо-таки требовала от него во имя великой идеи уханькать какую-нибудь зловредную старуху процентщицу. Стал бы он героем романа? нет, конечно, темно-русый и с прекрасными темными глазами красавец... А если бы вместо жидковолосой старухи процентщицы Алены Ивановны была бы тоже процентщица, но молодая, красивая, пышноволосая обольстительная Аграфена Александровна, как бы повел себя темно-русый красавец? Уханькал бы он ее? Не сломалась бы его идея, а?»

Ответ очевиден: сломалась бы!

В этом, видимо, и заключается одна из обаятельнейших сторон книги – в ее императивности: случилось так и никак иначе. Роль читателя-консерватора -- дописывать, упокаиваясь в законченных пределах текста.